

РУДЬ И.С. МИССИОНЕРСТВО И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В данной статье анализируется деятельность миссионеров и православных братств Русской Православной церкви в годы советской власти. Поместный Собор 1917 года не имел своими основными миссионерские задачи. Время было уже критическое. Наступала тяжкая эпоха гонений. Вполне определенно по поводу безбожной власти, преследующей Церковь высказался патриарх и Собор. А дальше началось гонение на духовенство. Миссионеры, как наиболее активная часть духовенства, пострадали больше других. В 20-е годы миссионерскую деятельность, но с ограничением разрешили только обновленческой Церкви. Но Церковь так и не прекратил миссионерскую деятельность. Одной из форм противодействия антицерковным гонениям со стороны советских властей стали братства священнослужителей и мирян. Самым крупным братством стала Александро-Невское братство. Братства стали уникальным явлением в истории всей Русской Церкви первых послереволюционных десятилетий. Находясь под угрозой расправы в течение всех лет своего существования, оно проявляло удивительную активность и разнообразие видов деятельности.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; Октябрьская революция; миссионерская деятельность; Александро-Невская лавра; СССР; братство; антирелигиозные гонения; РПЦЗ.

RUD I.S. MISSIONARY WORK AND THE ACTIVITIES OF ORTHODOX BROTHERHOODS IN THE YEARS OF SOVIET POWER

Abstract: This article analyzes the activities of missionaries and Orthodox brotherhoods of the Russian Orthodox Church during the Soviet period. The local Council of 1917 did not have its main missionary tasks. Time was already critical. A difficult era of persecution was approaching. It is definitely about the atheist regime persecuting the Church spoke the Patriarch and the Cathedral. And then began the persecution of the clergy. Missionaries, as the most active part of the clergy, suffered more than others. In 20 years of missionary activity, but with the restriction that only allowed the renovation of the Church. But the Church never stopped missionary activity. One of the forms of counteraction to the anti-Church persecution by the Soviet authorities was the brotherhood of clergy and laity. The largest brotherhood was the Alexander Nevsky brotherhood. Fraternities became a unique phenomenon in the history of the Whole Russian Church of the first post-revolutionary decades. Under the threat of violence during all the years of its existence, it has shown a remarkable activity and diversity of activities.

Keywords: Russian Orthodox Church; October revolution; missionary activity; Alexander Nevsky Lavra; USSR; brotherhood; anti-religious persecution; ROCOR.

После установлении власти большевиков в 1917 году миссионерская деятельность Русской Православной Церкви продолжала осуществляться, но уже в совершенно новых и неизмеримо более сложных условиях. В 1918 году в столице, а затем по всей стране начали создаваться массовые организации — союзы, братства, комитеты мирян и т.п. Следует учесть тот факт, что особенно заметную роль вплоть до начала 1930-х годов играли братства. Их число по сравнению с дореволюционным возросло в десятки раз.

По мнению Шкаровского, братства являлись одной из самых действенных форм защиты церкви от антицерковных гонений. Для сплочения священнослужителей и мирян в Петрограде, а затем и в других городах России стали создаваться объединения, преданных делу Христову людей. Одной из главных братств стало Александро-Невское братство, образованное при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. Оно было окончательно оформлено в январе 1919 году иеромонахом Иннокентием (Тихоновым).

История братства свидетельствует о том, что оно было одной из самых оптимальных форм объединения верующих в условиях безбожных гонений. Документы наглядно

показывают, что Александро-Невское братство представляло собой живой, динамичный организм — конкретные виды и формы его работы и внутренней жизни неоднократно менялись с учетом изменения общественно-политических и социальных условий. В известном смысле оно представляло собой стержень жизни епархии, на протяжении четырнадцати лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни, в частности, активно борясь с обновленческим расколом.

Братство было создано под руководством монахов Лавры из мирян, как мужчин, так и женщин. На первых порах главной функцией братства была защита обители от посягательств безбожников, а в 1919-1921 годах — ему принадлежала центральная роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. Именно на него ориентировались все другие подобные объединения верующих. В эти же и последующие годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции, сблизить их с ученым монашеством, в чем и добилось заметных успехов. Братство имело постоянную тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования — Богословским институтом, разнообразными курсами и т.д., но особенно крепкой эта связь была с Богословско-пастырским училищем, где члены братства составляли значительную часть учащихся и преподавателей.

Хотелось бы отметить тот факт, что Александро-Невское братство в определенном смысле представляло собой звено в сети полулегальных религиозно-философских кружков и обществ, существовавшей в 1920-е годы в северной столице. Оно имело в своем составе особый философский кружок во главе с архимандритом Варлаамом (Сацердотским). Кроме того, некоторые представители братства входили в состав других обществ или поддерживали с ними непосредственный контакт, прежде всего, с крупнейшей подобной организацией «Воскресенье». А архимандрит Гурий (Егоров) даже был духовным руководителем особого религиозно-философского кружка «воскресников» Б. М. Назарова. [7]

Важным направлением деятельности братства являлось создание полулегальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее обителей. Первые две общины сестер были созданы осенью 1922 году, затем в конце 1920-х — начале 1930-х годов возникли еще несколько небольших общин.

Шкаровский утверждает, что активно в то непростое время проводились тайные постриги. Братские отцы всегда считали одной из основных своих задач подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Церкви. Деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и сословий перед лицом яростных антицерковных гонений. Это было дружное сообщество людей, трудившихся ради Господа нашего Иисуса Христа и во имя любви к ближним, где само слово «брат» понималось в его истинно евангельском смысле [1].

Преподавание Закона Божия в государственных школах полностью прекратилось уже в январе 1918 года. Его удалось заменить частно-церковным обучением при храмах. Первоначально советские власти этому не препятствовали. Но уже в марте 1919 года попытались запретить преподавание всех вероисповеданий лицам до 18 лет частным образом. Правда, на практике данное запрещение было реализовано лишь в начале 1920-х годов.

Очень сложная ситуация сложилась в сфере духовного образования. Несмотря на целый ряд враждебных акций со стороны советских властей оно даже пережило в каком-то смысле кратковременный расцвет. С началом занятий 3 октября 1917 года в Московском Высшем женском богословско-педагогическом институте наступила эпоха женского духовного образования, в впервые в России. А уже 20-е годы XX века женщины

составляли значительную часть учащихся различных богословских заведений. Из четырех Духовных академий в 1918 году была закрыта только Петроградская. Но уже 30 сентября 1918 года в столице открылись Богословско-пастырские курсы, а 16 апреля 1920 году — Богословский институт. Из 60 зачисленных на его первый курс было 25 женщин. Кроме того, в Петрограде в 1919-1921 годах оказались организованы богословские курсы почти при всех храмах. Таким образом, если в 1917 года в городе было лишь 5 духовных учебных заведений, то в начале 1920-х годов стало 15 духовных учебных заведений [2].

В мае 1922 года обновленцем была разрешена легальная миссионерская деятельность, но в ограниченном объеме. Новой религиозной литературы, кроме церковных календарей, почти не было. Исключение составляли книги идеологов обновленческого движения — А. Введенского, Б. Титлинова, А. Боярского и др. Разрешалось обновленцам издавать и несколько десятков церковных журналов — «Живая Церковь», «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» и т.п., в которых обсуждались вопросы церковных реформ, ситуация в обществе, отношение к советской власти, богословские сюжеты. Проходившие по всей стране публичные диспуты между сторонниками и противниками веры в Бога и, прежде всего, между обновленческим митрополитом Александром Введенским и наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским собирали многотысячные аудитории.

К 1923 г. были закрыты все дореволюционные Духовные академии, Московский женский богословско-педагогический институт, десятки богословских курсов и т.д. Существовавшие же еще несколько лет учебные заведения делились на обновленческие и принадлежавшие к Патриаршей Церкви, последние из которых были ликвидированы в 1928-1930 гг.

Самой активной из форм полулегальной церковной деятельности было функционирование братств при храмах и монастырях. Тайно распространялись рукописные послания отбывавших срок заключения архиереев, различные церковные документы и сообщения. Существовало и несколько нелегальных организаций, охватывавших церковную молодежь, прежде всего в Петрограде (с 1924 года — Ленинграде). Среди действовавших в городе пяти-шести подобных тайных религиозно-философских обществ и кружков самым значительным было упоминавшейся «Воскресенье», а также «Братство Святого Серафима Саровского». Все эти общества в 1928 году были разогнаны сотрудниками разгромленные ОГПУ. [8]

С рубежа 1928-1929 годов произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Возобладали методы грубого административного воздействия — насильственное закрытие храмов, запрещение колокольного звона, ликвидация всех монастырей, массовая расправа над священнослужителями, монахами и верующих. Последнее крупное братство на Северо-Западе России — Александро-Невское братство было разгромлено в феврале 1932 года.

Но жизнь братства отнюдь не затухала, и их ряды продолжали пополняться молодыми образованными и, главное, верующими людьми — студентами, аспирантами, учащимся техникумов и т.д. Несмотря на фактически нелегальное положение, братство продолжало свою общественно-благотворительную деятельность (помощь больным, заключенным, монастырям епархии, обучению детей Закону Божию), которая запрещалось всеми советскими законами и подзаконными актами. Численность братства редко превышала 100 человек.

Все руководители братства: архиепископ Иннокентий (Тихонов), архимандрит Лев (Егоров), архимандрит Варлаам (Сацердотский), иеромонах Вениамин (Эссен), иеромонах Сергей (Ляпунов), погибли в годы «Большого террора» 1936-1938 годов. Практически полностью были уничтожены первые молодые монахи, которое приняли постриг в 1932 году, за исключением архимандрита Серафима (Суторихина).

Уцелели лишь те монахи, которые на момент разгрома братства еще являлись подростками. Именно из этого слоя вышли будущие видные архиереи: митрополит

Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд) и митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков), который с 1959 года по 1962 год был епископом Курским и Белгородским, архиепископ Пермский и Соликамский Никон (Фомичев) и архиепископ Ярославский и Ростовский Михей (Хархаров), а также другие священнослужители. Ни одна другая церковно-общественная организация в России не дала в XX веке столько православных архиереев, как Александро-Невское братство. [9]

В условиях массовых антирелигиозных репрессий 1930-х годов центр миссионерской деятельности переместился на нелегальные формы (церковный самиздат, странствующие священники и проповедники, подпольные учебные занятия с верующими и т.п.).

Временное возрождение массовой миссионерской работы произошло в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, прежде всего на оккупированных территориях. В возрождении церковной жизни на оккупированной территории Ленинградской области, которая до 1944 года включавшей в свой состав также современные Новгородскую и Псковскую области, по моему мнению, заслуга принадлежала Псковской Православной Духовной Миссии. Она представляла собой своего рода исключительное явление периода оккупации. Эта была наиболее крупная и хорошо организованная Духовная Миссия на всей временно захваченной немцами территории РСФСР, и плоды ее деятельности в виде сотен открытых храмов, возрожденных приходов, рукоположенных священников были наглядно видны еще несколько десятилетий после окончания войны.

Однако история Псковской Миссии оказалась сложной, противоречивой и по-своему трагичной. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отмечал: «Благодатные результаты Псковской миссии оказались очень важны для послевоенного восстановления жизни Русской Православной Церкви. С благодарностью в сердце мы вспоминаем самоотверженное служение тружеников Миссии, к нашей глубокой скорби, для большинства их ревностные труды во славу Божию завершились трагическими репрессиями, обрушившимися на них...» [3].

Нельзя не согласиться с тем, что в церковном возрождении на Украине определенную роль сыграла Одесская Духовная Миссия Румынского Патриархата, в составе которой значительную часть составляли русские и украинские священники. В Белоруссии православное духовенство западных областей занималось активной миссионерской деятельностью в восточной части республики [4]. Всего на оккупированной территории СССР открылось около 10 тысяч православных церквей и 60 монастырей, в том числе в Белоруссии около 600 храмов и 6 монастырей [5].

Значительные усилия с целью способствовать религиозному возрождению на оккупированной территории СССР предпринимала Русская Православная Церковь за границей: издательская деятельность монастыря преподобного Иова Почаевского в Словакии, попытки создания Духовных Миссий для дальнейшей отправки в Россию в Югославии, Венгрии, Франции. Правда, нацисты всячески препятствовали миссионерской деятельности Зарубежной Русской Церкви и практически не допустили ее представителей на территорию Советского Союза.

Хочется обратить внимание на то, что бурный стихийный процесс церковного возрождения на оккупированной территории СССР начался неожиданно для оккупантов. Как только ушла красная армия, там произошел настоящий «религиозный взрыв» — за несколько месяцев открылись сотни православных храмов. И эти церкви стали центрами национального самосознания. Впрочем, проблема патриотизма в годы Второй мировой войны является достаточно сложной и неоднозначной. Представители всех частей Русской Православной Церкви, в том числе и духовенство РПЦЗ, были патриотами и желали возрождения свободной процветающей великой России. Но представляли себе пути к достижению этой цели по-разному и порой оказывались в «разных лагерях». [10]

В целом же можно утверждать, что ни одна из частей или юрисдикций Русской Православной Церкви не стала сотрудничать с немцами. Нацистским ведомствам даже не удалось полностью подчинить и сделать своим послушным орудием православную епархию на территории Германии. К концу 1943 г. нацисты проиграли СССР и пропагандистскую войну в церковной области, что было особенно заметно на примере балканских стран.

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны окрепший Московский Патриархат получил возможность возродить целый ряд Духовных школ (две Духовные Академии и восемь Духовных семинарий), возобновить в ограниченных объемах свою издательскую деятельность и снова возглавить работу ряда прежних Миссий за границей: в Палестине, Китае, Корее.

С началом так называемых «хрущевских гонений» 1958-1964 годов все скудные возможности миссионерства были еще более ограничены, Шкаровский об пишет, что «вновь значительно увеличились масштабы нелегальной миссионерской работы: распространение религиозного самиздата, создание подпольных молодежных кружков и обществ, тайная проповедническая деятельность и т.д.». [6] Таким образом, миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в той или иной форме продолжала существовать весь советский период до 1991 года.

Литература

1. Шкаровский М.В. Александро-Невское братство 1918-1932 гг. СПб. 2003.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 2-7.
3. Цит. по: Псковская Миссия. Похвальное слово русским миссионерам // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26-27. С. 3.
4. Кривонос Ф. Миссионеры военных лет. Год 1944: Белоруссия // Православная Русь. 1998. N№ 8. С. 8-9.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 593. Л. 81.
6. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.
7. Смолич И. К. История Русской Церкви. Кн. 8, т. II. М., 1997. Д.
8. Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. — 511 с.
9. Прот. Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви 1917- 1990. // Учебник для православных духовных семинарий. — М.: ИД Хроника, 1994. — 256с.
10. Митрофанов Г., прот. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. — Москва: Арелта. Лепта, 2011. — Вып. Посвящается памяти моего духовника протоиерея Василия Ермакова. — 272с.

СКЛЯРОВА В.А. КОНФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ В ОЦЕНКЕ УЧИТЕЛЕЙ-ЭКСПЕРТОВ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты качественного этапа комплексного социологического исследования (2017-2018 г.) преподавания конфессионально ориентированных знаний о религии (предмет «Православная культура») в средних общеобразовательных школах российского региона. Обоснована необходимость комплексного изучения опыта предшествующего преподавания религиоведческих дисциплин. Одним из методов комплексного социологического исследования являлось